

Михаил Ковалев

**ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ:
ПРОФЕССОР А.В.ФЛОРОВСКИЙ
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОЛЛЕГИ¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47+100-87)
929:930

В заключительной статье серии рассказывается о развитии научных контактов А.В.Флоровского с советскими историками в конце 1950-х – 1960-х гг. Особое внимание уделено его общению с Е.П.Подъяпольской, которая взяла на себя редактирование «Писем и бумаг императора Петра Великого». Освещается поездка А.В.Флоровского в СССР в 1967 г. В статье приводятся аргументы, согласно которым закрытость советской науки стала одной из причин, тормозивших изучение петровской темы. В заключении осмысливается специфика научных контактов А.В.Флоровского.

In the final article in this series the development of scientific contacts of A.V.Florovsky with Soviet historians in the late 1950s – 1960s was described. Particular attention was paid to his communication with E.P.Podyapolskaya, who took over the editing of “The Letters and papers of the Emperor Peter the Great”. The visit of A.V.Florovsky in the USSR in 1967 was characterized. The article presents the arguments according to which closure of Soviet science was one of the reasons that hindered the study of Peter the Great’s theme. In conclusion, the specificity of scientific contacts of A.V.Florovsky conceptualized.

Ключевые слова: А.В.Флоровский; Е.П.Подъяпольская; А.А.Новосельский; С.А.Фейгина; «Письма и бумаги императора Петра Великого»; Петр Великий; Чехословакия; СССР; научные контакты; историография; Зарубежная Россия; хрущевская «оттепель».

Keywords: A.V.Florovsky; E.P.Podyapolskaya; A.A.Novoselsky; S.A.Feygina; “Letters and papers of the Emperor Peter the Great”; Peter the Great; Czechoslovakia; USSR; scientific contacts; historiography; Russia Abroad; Khrushchev’s “Thaw”.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №4, 5. Статья подготовлена в рамках гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

«Как всегда, письма Ваши – это "кладезь премудрости"»

Елена Петровна Подъяпольская (1895–1986), выпускница Саратовского университета, ученица С.Н.Чернова и П.Г.Любомирова [3, с.116], к петровской теме пришла в

1930-е гг., когда участвовала в подготовке к публикации документов Берг-коллегии. В 1943 г. после возвращения из самаркандской эвакуации она стала сотрудницей сектора феодализма Института истории АН СССР и вошла в состав группы по изданию писем и бумаг Петра Великого. В ее задачу входило выявление новых текстов, их подготовка к публикации и научное комментирование. В 1946 г. при ее участии был издан VII том «Писем и бумаг...», а начиная с XII тома, она станет постоянным членом редколлегии. В 1950-е – 1960-е гг. ее научные интересы были сосредоточены вокруг изучения народных движений петровского времени (результатом чего стало появление монографии о булавинском восстании [18]) и петровской иконографии.

Регулярное общение между ней и А.В.Флоровским установилось с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Удивительно, но их судьбы уже однажды случайно пересеклись. В 1916 г. еще совсем юная Е.П.Подъяпольская присутствовала на публичной защите диссертации А.В.Флоровского об Уложенной комиссии в Московском университете [10, с.67]. Он, конечно, не помнил и вряд ли мог помнить об этом эпизоде. Теперь же для общения между учеными имелся серьезный повод: оба занимались одной научной темой. В конце 1950-х гг. Е.П.Подъяпольская заинтересовалась петровскими портретами кисти чешского художника Яна Купецкого (*Jan Kupačský*; 1667–1740), и А.В.Флоровский, бесспорно, мог помочь ей в разысканиях. Зимой 1960 г. он послал для нее в Москву брошюру своего пражского коллеги Николая Артемьевича Еленева (1894–1967) о Петре Великом и Яне Купецком [30, с.227–

Е.П.Подъяпольская. 30 октября 1951 г.
(Архив РАН. Ф.1592. Оп.2. Д.70. Л.39)

285]. Е.П.Подъяпольская в тот момент как раз изучала портрет русского царя, написанный чешским художником в Карлсбаде (1711) [29, №1].

Общение это было взаимно интересным и взаимно полезным. Как и других коллег из СССР, А.В.Флоровский нередко просил Е.П.Подъяпольскую наводить архивные справки ввиду недоступности для него советских архивных собраний, как то было, например, в его письме от 2 ноября 1960 г. [29, №7]². И она, при поддержке директора Центрального государственного архива древних актов Вениамина Николаевича Шумилова (1914–1970), пыталась оказывать ему посильную помощь [29, №8]. Так, еще летом 1960 г. А.В.Флоровский просил Е.П.Подъяпольскую разыскать рескрипт Петра Великого 1708 или 1709 гг. барону Иоганну Урбиху (*Johann Christof von Urbich*; 1653–1715), занимавшему пост русского посла в Вене, а также установить источник акта 1710 г. с предложением о союзе России с Австрией [29, №11]. Правда, не всегда поиски заканчивались успешно. Так, А.В.Флоровскому требовались сведения об Иоганне-Людвиге Микуше, генерал-майоре от кавалерии, служившем вместе с Р.Х.Боуром³, но обнаружить нужные документы московской коллеге не удалось.

Е.П.Подъяпольская пыталась помочь Антонию Васильевичу с публикациями работ на Родине, как то было, например, летом 1962 г. со статьей «Петр Великий и Эфиопия», предназначавшейся для журнала *История СССР*. Правда, в итоге она была отклонена редакцией, поскольку «по своей источниковедческой базе» не отвечала задачам и характеру журнала [29, №13, 14]. Трудно сказать, насколько обоснованным можно считать такой мотив, ведь качество статьи было очень высоким и отмеченным современниками (например, ведущим немецким славистом Дитрихом Герхардтом [9, с.174; 27, №2]). В конечном счете, эта работа будет опубликована (1966) в Мюнхене в юбилейном сборнике в честь Д.И.Чижевского [22, с.211–220].

В общении двух ученых, разумеется, почти сразу возникла тема «Писем и бумаг Петра Великого». Е.П.Подъяпольская в апреле 1960 г. благодарила А.В.Флоровского за «справедливые критические замечания» в адрес этого издания. В июне 1962 г. она послала в Прагу 1-й выпуск XI тома «Писем и бумаг...»: «Пользуюсь случаем поблагода-

² В описи фонда письмо неверно датировано декабрём 1960 г.

³ Этот сюжет обсуждался в письме Е.П.Подъяпольской к А.В.Флоровскому в конце 1960 г. [29, №49]. В описи архивного фонда это письмо неверно датировано – до 28 сентября 1965 г. В реальности – до 27 декабря 1960 г.

рить Вас лишний раз за внимание Ваше к нашему изданию и за полезные советы» [29, №4, 13]. А.В.Флоровский внимательно изучил книгу и поделился своими соображениями. Все последующие годы, вплоть до смерти профессора (1968), они будут систематически обсуждать в своей переписке дальнейшую подготовку столь важной документальной серии. А.В.Флоровский со свойственной ему педантичностью и основательностью будет давать советы советским коллегам, отмечать сильные стороны их работы и одновременно критиковать. Е.П.Подъяпольская хорошо осознала глубину и значение его указаний. «Как всегда, письма Ваши – это "кладезь премудрости" для издателей "Писем и Бумаг..."», – лестно отзывалась она в октябре 1965 г. [29, №52].

Е.П.Подъяпольская много раз признавала, что для редакции «Писем и бумаг» огромной, почти неразрешимой трудностью было плохое знание европейских источников и историографии, что отличало ее положение от дореволюционных предшественников. И в связи с этим А.В.Флоровский был едва ли не единственным ученым, обладавшим необходимыми познаниями и способным решить назревшие историографические вопросы, за что Е.П.Подъяпольская не раз его благодарила, как, например, в июле 1962 г.: «Все Ваши указания на зарубежную литературу очень ценны. Знание зарубежных источников (рукописных и печатных) являлось и является уязвимым местом в издании "П[исем] и Б[умаг]"» [29, №14]⁴. Например, она сообщала, что составители обошли вниманием и ценное собрание источников «*Litterae procerum Europae*», изданное И.Х.Люнигом [31], и лишь затем обнаружили грамоту, которая могла представлять интерес для издания [29, №14]. Она же признавалась, что незнание ею и ее коллегами венгерского языка не позволили извлечь сведения из исследований венгерского историка Имре Лукинича (*Imre Lukinich*; 1880–1950), хотя одна из его работ была в распоряжении группы. Между тем А.В.Флоровский не раз рекомендовал обратить пристальное внимание на венгерские материалы в силу того, что они

⁴ См. также ее письмо от 19 декабря 1962 г.: «Не могу выразить всей своей благодарности за Вашу помощь по изданию, в котором я принимаю участие. Было необычайно приятно услышать Ваше одобрение по поводу того, что мы включили в издание выдержки из писем корреспондентов Петра I и из текстов разных деятелей того времени с цитатами, свидетельствующими о несохранившихся или о неизвестных нам письмах Петра» [29, №18]. Эта же мысль содержится в февральском письме 1967 г.: «Большое спасибо за ту помощь, кот[орую] Вы оказываете, сообщая о выходе зарубежной литературы по эпохе Петра I» [1, д. 367, л.4].

были совершенно неизвестны русской науке. Конечно, советские коллеги это понимали и признавали, но сделать, кажется, особо ничего не могли: «Очень скупо у нас там о взаимоотношениях с Ракоци», – писала Е.П.Подъяпольская в феврале 1967 г. о содержании очередного тома «Писем и бумаг...» [1, д.367, л.5]. У ученых в СССР не было, конечно, той глубокой языковой подготовки, как у их дореволюционных предшественников. Рискну заметить, что вряд ли у кого-то из советских историков, занимавшихся в 1950-е – 1960-е гг. петровской эпохой, были такие познания, как у А.В.Флоровского. Но не было у них и таких возможностей, как у него. Даже будучи лишен возможности выезда из Чехословакии на Запад, А.В.Флоровский свободно вел научную корреспонденцию с коллегами из разных стран, заказывал для себя копии нужных книг и документов. Да и библиотечные фонды Праги пополнялись иностранной литературой гораздо лучше, чем московские или ленинградские. Прочтя в 1964 г. статью А.В.Флоровского о Мекленбургском вопросе, Е.П.Подъяпольской только и оставалось написать в Прагу: «С завистью смотрела на использованную Вами литературу и взяла на заметку некоторые издания» [29, №36].

А.В.Флоровский, как блестящий знаток европейских архивов, был очень интересен Е.П.Подъяпольской, а потому она часто обсуждала с ним проблемы выявления новых документов для «Писем и бумаг...». В 1958 г. он послал в Москву перечень актов 1711–1713 гг., исходивших от Петра и хранившихся в Венском архиве. Список этот представлял огромный интерес, ибо позволял понять, не было ли пропусков в ранее собранных материалах. Сам А.В.Флоровский, кстати, ставил вопрос о необходимости печатания «Дополнений» к «Письмам и бумагам...», в которых следовало бы публиковать ранее пропущенные, прежде неизвестные документы [29, №4, 6]. Увы, предложение это до наших дней так и не претворено в жизнь.

К сожалению, издателям 1-й части XI тома «Писем и бумаг...» не удалось получить из Вены грамоту Петра 1711 г. австрийской императрице Элеоноре с выражением сочувствия по поводу смерти императора Иосифа I. Она примечательна тем, что была возвращена назад императрицей-регентшей, ибо в ней не употреблялся титул «Величества». В руках Е.П.Подъяпольской был только микрофильм описи Венского архива, откуда и было позаимствовано краткое изложение содержания грамоты и ее выходные данные. В Прагу она писала: «Очень досадую, что не обратилась к Вам за Вашей помощью. И прошу Вас разрешить обращаться к Вам в подобных случаях, когда у нас имеется лишь указа-

ние на существование письма Петра I и есть все основания предполагать, что текст находится или находился за рубежом, а следовательно, есть основание предполагать, что он там не опубликован» [29, №14]⁵.

Советские ученые, отрезанные от иностранных собраний, ценой огромных усилий накапливали новые материалы. Часто им приходилось обращаться к архивным фондам дореволюционных историков, разыскивая в них копии документов, которые те могли некогда привезти из Европы. Так было, например, с письмом Петра Великого к герцогу Антону-Ульриху от 12 ноября 1712 г., напечатанным в «Письмах и бумагах...» по хранящейся в Ленинградском отделении Института истории АН СССР копии с подлинника из Брауншвейг-Люнебургского архива в Вольфенбюттеле. А.Ф.Флоровский в 1967 г. по просьбе коллеги выяснил, что в немецком архиве сохранился оригинал этого послания [1, д.367, л.4].

Е.П.Подъяпольская совещалась с А.В.Флоровским по спорным архивным, источниковедческим вопросам. Например, она хотела знать его мнение относительно «Письма с берегов Прута» от 10 июля 1711 г., которое приписывалось Петру и в котором сообщалось об окружении русской армии турками и возможном пленении царя [17, т.11, вып.1, с.314–315]. Авторство письма вызывало много вопросов, и нередко его приписывали либо Я.Штеллину, напечатавшему текст в 1785 г. в Лейпциге, либо М.М.Щербатову. Поэтому редакция долго не решалась опубликовать его в «Письмах и бумагах...». Е.П.Подъяпольская писала в июле 1962 г., что по мере углубления знания об обстановке на Пруте и более тщательном анализе текста она пришла к выводу о подлинности письма и поделилась планами написать о нем специальную статью. Версия коллеги показалась А.В.Флоровскому убедительной [29, №14, 15]. А.А.Новосельский еще в 1960 г. осведомлялся, какие отклики в современной европейской историографии имеются на это письмо. Ему было известно, что шведский историк Эрик Тенгберг упоминал о нем в своей книге «От Полтавы до Бендер» [33]⁶. Вновь советским ученым требовалась помощь А.В.Флоровского. А.А.Новосельский в январе 1960 г. просил его: «...нам не удалось найти эту работу об этой работе ни в специальной статье, ни в других работах. Вы очень обяжете нас, если сообщите, что Вам известно о зарубежной литературе по указанному

⁵ Эта грамота все же была опубликована во 2-й части XI тома в 1964 г. по изданию Й.Люнига ([31, pars.III, p.1074–1076]. См.: [17, т.11, вып.2, с.346–348]).

⁶ Известно, что А.В.Флоровский написал Э.Тенгбергу в Стокгольм в марте 1960 г. [28, №16]. Но ответа, видимо, не получил (см. также: [25, с.8–27]).

письму Петра I (в том числе и о[б] исследовании Э.Тенгберга)» [28, №15]. Однажды в переписке с Е.П.Подъяпольской в 1963 г. возник сюжет о рукописи Ф.Балатри, сочинение которого некогда попало в поле зрения И.А.Шляпкина, Б.Б.Кафенгауза и А.А.Гераклитова. Е.П.Подъяпольская, правда, не знала, что рукопись была давно известна А.В.Флоровскому, поэтому сообщала ему краткую предысторию ее дарения и осведомлялась, знает ли он о ней [29, №33].

А.В.Флоровский в Ленинграде. 1967 г.
(Архив РАН. Ф.1609. Оп.1. Д.186. Л.75)

Помимо оторванности от зарубежных архивов и библиотек, были в работе издателей «Писем и бумаг...» и трудности иного рода. Тут небезынтересно привести обширный отрывок одного из писем Е.П.Подъяпольской (25 февраля 1967 г.), который наглядно обрисовывает круг существовавших проблем. «У нас нехватка людей. Сейчас нас трое: Глаголева, Майкова, Подъяпольская. Водарский (я его подготовила) ушел в географическую группу. Мне очень хотелось, чтобы каждый из подготовленных членов коллектива взял на себя целый том. Дело пошло бы быстрее. Но если Майкова уйдет на "Историю шведской войны", нас останется двое, причем Глаголева – уже пенсионер. На XIII том мне дадут двух новых сотрудников, но ведь не меньше года их надо учить да учить. Между тем я по опыту знаю, что все время идет отсев, иногда (как случилось с Водарским), когда науч[ный] работник уже начал работать самостоятельно. То же происходит с машинистками. Мы их учим печатать с рукописи нач[ала] XVIII в., разбирать руку Петра и т.д. Добившись максимальной ставки, они возвращаются на пере-

печатку XX–XIX ст[олетий], а нам приходится все начинать снова» [1, д.367, л.2 об.–3]. Таким образом, острая нехватка сотрудников должной квалификации, невнимание к работе группы со стороны руководства тормозили работу над изданием «Писем и бумаг императора Петра Великого» не меньше, чем «железный занавес».

А.В.Флоровский знакомил Е.П.Подъяпольскую со всеми главными новостями европейской научной жизни. Именно он сообщил ей в мае 1963 г. о находке в библиотеке Национального музея в Праге копий писем Петра Великого, а в рукописном собрании библиотеки Карлова университета – материалов о царе, предназначавшихся, как предполагали, для Вольтера [29, №24]. Три рукописи на французском языке принадлежали перу неизвестного автора. Главная из них – под условным названием «Опровержение» – представляла собой разбор мнений европейских авторов о Петре Великом. Чехословацкий ученый Вацлав Черный (*Václav Černý*; 1905–1987) выдвинул гипотезу о связи документов с работой Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом» и предположил, что они могли быть составлены М.В.Ломоносовым. Е.П.Подъяпольская заинтересовалась сделанным открытием и предположениями В.Черного: «Для творчества Ломоносова в этих находках бесспорно найдется интересное, а кто знает – может быть, и для исследователей времени Петра I. Очень важно установить пути того, каким образом материалы, переданные Вольтеру (не оригиналы ли?), оказались среди коллекций Универс[итетской] библиотеки». Что касается копий посланий Петра, то сама она предполагала, что речь идет о собрании писем к Апраксиным, в особенности Ф.М.Апраксину, то есть о сборнике, широко распространенном в XVIII в. среди вельмож и изданном в двух частях в 1811 г. под заглавием «Собрание собственно-ручных писем Петра Великого к Апраксиным». Об интересе к работе В.Черного и ожидании публикации ее итогов Е.П.Подъяпольская писала А.В.Флоровскому в июле 1963 г. [29, №23, 28].

Скажем, что отстаиваемое В.Черным авторство М.В.Ломоносова вызвало сомнение у ряда советских и зарубежных исследователей. В ходе состоявшейся в 1963 г. в Пушкинском Доме дискуссии среди возможных авторов были названы либо французский барон Т.А.Чуди, либо П.А.Левашов. Однако все участники однозначно признавали огромное научное значение найденных рукописей [12, с.89–90]. Е.П.Подъяпольская внимательно следила за этой полемикой и рассказывала о ней своему пражскому корреспонденту [29, №51].

**«Мы знакомы
только письменно...»**

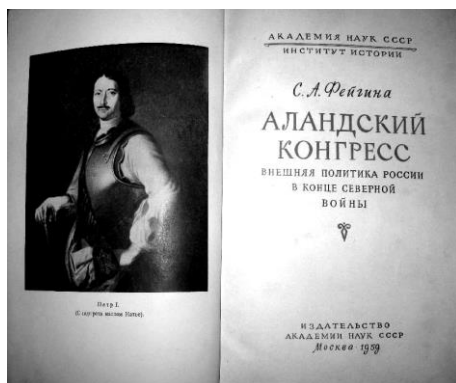
А.В.Флоровскому и Е.П.Подъяпольской все же удастся пообщаться лично. Незадолго до смерти профессор вместе с супругой посетит СССР.

Он встретится с коллегой в Москве в

1967 г. во время своих выступлений в Московском государственном университете и Институте истории АН СССР. В стенах университета он прочел доклад о русско-австрийских отношениях, по словам Е.П.Подъяпольской, сделанный «с такою легкостью, граничащею с изяществом, свойственным французам, но насыщенный глубоким содержанием, пронизанный великолепным знанием материала» [29, №67].

А.В.Флоровский очень хотел увидеть С.А.Фейгину, о которой так много слышал и с которой имел возможность познакомиться по переписке в конце 1950-х гг. В письме от 30 мая 1959 г. профессор поблаго-

дарит ее за присылку столь долгожданной монографии об Аландском конгрессе [19]. Книга пришла как нельзя кстати, ибо А.В.Флоровский как раз дорабатывал главу книги о русско-австрийских отношениях в 1716–1721 гг. [1, д.100, л.1]. Кстати, это исследование С.А.Фейгиной до сих пор не потеряло своей научной значимости⁷. Некоторые работы А.В.Флоровского были ей хорошо известны [23; 20]. Во всяком случае, она отзывалась о них очень уважительно и ссылалась на них в

Монография С.А.Фейгиной
«Аландский конгресс» (М., 1959)

своем главном научном труде [19, с.82, 530]. Она вполне разделяла версию А.В.Флоровского об усилении в Европе – после триумфальной

⁷ Бельгийский историк Э.Вагеманс так отзывался об этой книге: «Совершенно уникальным для автора из СССР является то, что Фейгина использовала не только русские, французские, английские и немецкие источники, но и нидерландские, шведские и даже турецкие» [5, с.18]. Ему вторит российский коллега С.А.Мезин, называющий работу С.А.Фейгиной «эрудитской монографией» [13, с.28].

Полтавской победы – страха перед русской угрозой, об особой роли в этом процессе Англии, желавшей иметь партнером в Балтийском регионе ослабевающую Швецию, а не усиливающуюся Россию. Активная внешняя политика Петра Великого, стремительное выдвижение России на европейскую арену, решительность российской дипломатии вызывали ужас в правящих кругах Европы.

А.В.Флоровскому внимание и уважение С.А.Фейгиной явно льстило, о чем он признавался в письме в Москву. Но одновременно в уже упомянутом майском послании 1959 г. он недоумевал, почему коллега отнесла его труды к иностранной историографии. Он подчеркивал, что является истинным русским, что отец его происходит из-под Великого Новгорода, а мать – из Степной Украины, что волею судьбы оказался в Чехии и теперь работает тут [1, д.100, л.1–1 об.]. Этот эпизод очень хорошо характеризует самоощущение А.В.Флоровского, его душевные ориентиры. Он не считал себя иностранцем, не считал эмигрантом, не отделял себя от русской культуры. Не случайно в письме к В.Т.Пашуто он признавался, что воспринимает жизнь на чужбине как «только командировку за пределы СССР» [15, с.366]. Подчеркнем, что А.В.Флоровский вообще очень трепетно относился к творческому наследию русской эмиграции. В 1965 г. он писал Е.П.Подъяпольской: «Слишком слабо учитывается, что за границей СССР все же кое-что делалось и сделано для русской науки и уже нельзя обходить молчанием и наши, и иностранные-иноязычные исторические труды. Хотя бы, напр[имер], заграничные [...] издания мемуаров таких русских историков, как Кондаков, Милюков, Кизеветтер, Платонов и т.д. и т.д.!» [10, с.79]. Но, конечно, должная оценка эмигрантского наследия в условиях идеологического гнета не могла быть сделана.

Судя по сохранившимся письмам, интенсивность общения с С.А.Фейгиной не была высокой. К сожалению, встретиться лично ученым тоже не удалось. Во время последнего приезда А.В.Флоровского в Москву (1967) С.А.Фейгина оказалась в отпуске, была в 100 км от столицы и не имела возможности вернуться: «Мы знакомы только письменно, а хотелось бы побеседовать – у нас так много общих научных интересов. Конечно, послушать Ваш доклад в Университете мне было бы крайне интересно. Но не повезло на сей раз! Надеюсь только, что это не последний Ваш приезд в Москву и мы еще повидаемся» [26, №2]. Увы, повидаться историкам так и не удалось. Приезд А.В.Флоровского окажется последним, в следующем году он уйдет из жизни.

А.В.Флоровский мечтал написать фундаментальную работу о взаимоотношениях Петра Великого с Центральной Европой, особенно с Австрийской империей. Но свой главный труд окончить он так и не успел. Работу над итоговой версией книги оборвала смерть 27 марта 1968 г. Отдельные ее части, правда, еще при жизни ученого печатались в виде статей. Некоторые фрагменты книги были опубликованы уже посмертно его чешской ученицей и горячей почитательницей таланта Аленой Завадовой (*Alena Zavadová*; 1931–1998) [21]. По ее словам, они являли собой «типичные образцы историографического стиля проф[ессора] Флоровского, его исключительного умения излагать отдельные эпизоды в широком историческом контексте».

**Вместо эпилога, или еще раз
о вреде «железных занавесов»
в науке**

Коммуникационные практики в истории русской эмигрантской науки изучены пока незначительно. До сих пор не до конца поняты и осмыслены взаимоотношения различных эми-

грантских центров, научных групп, еще нуждаются в детальном исследовании личные и деловые контакты эмигрантов с иностранными учеными. Столь же мало известно об их связях с коллегами из СССР. В этом плане биография А.В.Флоровского – ученого, для которого не существовало интеллектуальных границ, – дает огромный и благотворный материал. В годы эмиграции он сделал одним из главных направлений своих исследований историю взаимоотношений России с Центральной Европой, в особенности с Австрией и Чехией. Разрабатывая эту тему в ее сложности и многообразии, постигая хитросплетения дипломатической игры, проникая в глубину двухсторонних политических, торговых и интеллектуальных контактов, он все больше убеждался в важности межкультурного диалога, все отчетливее осознавал потребность в свободном обмене информацией, передаче идей и знаний. Петровская тематика, а в особенности ее международный аспект, владела А.В.Флоровским в послевоенные годы, и именно она вдохновляла его на развитие научных связей с коллегами в СССР.

Контакты пражского профессора с советскими историками во 2-й половине 1940-х – 1960-х годах представляют собой интересный пример встречи двух Россий – советской и зарубежной. И хотя некоторые из коллег А.В.Флоровского начали свой творческий путь еще до революции, они все же были обречены жить и работать в специфических условиях, характеризующихся репрессиями, идеологическим гнетом и

закрытостью от внешней среды. Об этом поколении очень точно выразился академик А.Б.Давидсон: «Жизнь заставляла их быть осторожными. Они не раскрывались даже перед близкими. Не писали мемуаров, жгли свои архивы, в письмах изъяснялись обиняками» [7, с.127]. И, полагаю, А.В.Флоровский эти особенности понимал и замечал. Впрочем, ему самому на склоне лет приходилось проявлять определенную осторожность – сначала в годы немецкой оккупации Праги, а затем уже в коммунистической Чехословакии. В своих послевоенных контактах А.В.Флоровский столкнулся и с новым поколением советских историков, с теми, кто полностью формировался уже в новых обстоятельствах. Круг общения профессора был поистине широк и не ограничивался лишь специалистами по петровской эпохе. Среди прочих коллег, с которыми он поддерживал отношения, можно назвать М.П.Алексеева, П.Н.Беркова, С.С.Дмитриева, П.А.Зайончковского, А.А.Зими́на, Н.В.Измайлова, Д.С.Лихачева, Ю.Г.Оксмана, В.Т.Пашуто, А.Л.Хорошкевич и многих других. Увы, осторожность и дипломатичность А.В.Флоровского выражалась в том, что в своих письменных текстах, будь то письма, автобиографические заметки, записки и др., он никогда не давал оценок коллегам. То есть он мог высказать критику в адрес той или иной работы, не согласиться с тем или иным мнением, но личностных оценок, кажется, не давал никогда. Потому мы вряд ли узнаем, как конструировались в его сознании образы советских историков, какие их черты он подмечал и выделял.

Обсуждения различных вопросов, возникавших при разговорах о «Письмах и бумагах императора Петра Великого», по своему содержанию выходили далеко за сугубо историографические и архивоведческие рамки. Они ясно высвечивали острые проблемы советской исторической науки, например ее замкнутость, ограниченность, закрытость от внешнего мира. А.В.Флоровский ясно это понимал. Осознавали такое положение вещей и советские ученые. В доказательство приведем размышления выдающегося япониста Евгения Михайловича Жукова (1907–1980), в середине 1950-х гг. заместителя директора Института истории АН СССР. Он, пусть и в мягкой форме, вынужден был признать очевидное отставание советской исторической науки и ее исключенность из мирового научного процесса. Эти черты особенно ясно проявились в ходе подготовки многотомной «Всемирной истории», когда стало понятно, что многие советские специалисты просто не знают современной зарубежной научной литературы: «Наблюдается также известное отставание в области разработки проблем историографии и

источниковедения, что умножает трудности, стоящие перед авторским коллективом. Бросается в глаза почти полное отсутствие диссертаций на историографические темы по всеобщей истории... Известно, что среди зарубежных историков, не стоящих на марксистских позициях, имеется значительная группа прогрессивных ученых, не только вносящих свой положительный вклад в развитие науки (путем публикации новых ценных источников, материалов и т.п.), но и искренне стремящихся к плодотворному научному контакту с историками-марксистами. Нет сомнения в том, что такого рода контакт может принести большую пользу. Но для того, чтобы установить контакт с зарубежными историками, представляющими различные направления, необходимо хорошо знать их научную продукцию, разобраться в оттенках мнений, в существующих школах» [8, с.40]. Эти слова Е.М.Жуков произнес в середине 1950-х гг., т.е. как раз в то время, когда связи А.В.Флоровского с советскими коллегами начали бурно развиваться.

Московские и ленинградские корреспонденты пражского профессора, занимавшиеся разработкой петровской тематики, неизменно признавали свои глубокие пробелы в знании зарубежной историографии и иностранных источников. Потому общение с А.В.Флоровским, юридически советским гражданином, но в реальности все же человеком из-за границы, было для них своего рода глотком свободы, возможностью заглянуть за «железный занавес». Они прекрасно осознавали научный вес, познания, широту кругозора профессора, а потому с энтузиазмом обращались к нему за помощью, советовались по сложным вопросам. С другой стороны, это общение было важно для него самого, причем не только исходя из утилитарных устремлений в виде получения нужных для работы книг, журналов и копий архивных документов. Для А.В.Флоровского наука всегда была превыше любых идеологических рамок. К слову, именно этим объясняется некоторый его общественный конформизм и отказ от участия в активной политической жизни. Открывшаяся после Второй мировой войны возможность установить, а в некоторых случаях – восстановить, научные контакты с Родиной была воспринята им с воодушевлением. Не будем забывать, что духовно он не считал себя эмигрантом, что он всегда, на протяжении всей жизни, соотносил себя с русской культурой. Этим объясняется и его стремление публиковать свои работы в СССР. Таким образом, интерес к укреплению двухсторонних связей был обоюдным. И еще важная ремарка. Контакты А.В.Флоровского с советскими коллегами стали активно развиваться в тот момент, когда история послереволюционной Зарубежной

России, уместившаяся в узкие рамки межвоенного периода, по сути, закончилась. Но именно в 1950-е – 1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего [6, с.86]. Отсюда, полагаю, еще один важный мотив действий А.В.Флоровского: он стремился передать коллегам свой интеллектуальный опыт и вместе с тем напомнить о творческом наследии всей российской научной эмиграции. И ему это во многом удалось. Сегодня труды А.В.Флоровского неизменно цитируются специалистами по истории русско-австрийских и русско-чешских отношений, по российской истории XVIII в., в особенности петровской эпохи. Намеченные им исследовательские маршруты получили достойное продолжение и в отечественной, и в зарубежной историографии [2; 4; 14; 16; 24; 32].

Обратим внимание, что послевоенные контакты А.В. Флоровского с советскими коллегами развивались в два этапа. Первый пришелся на 1946–1948 гг., когда многие люди в СССР и за его пределами были охвачены эйфорией обновления и верой в то, что жизнь не будет прежней. Отсюда и вера советских ученых в развитие и укрепление контактов с иностранными коллегами, безжалостно обрубленная идеологическими кампаниями и «железным занавесом». Второй этап пришелся уже на годы «оттепели», когда в СССР наступили пусть и ограниченные, но все же перемены, когда страна хоть немного открылась для внешнего мира. Именно эти перемены дали А.В.Флоровскому возможность печатать свои работы на Родине, а незадолго до смерти впервые посетить ее после десятилетий разлуки.

Девид Блур и Бруно Латур, яркие представители современного экстерналистского подхода в науковедении, хорошо обосновали тесную взаимосвязь между наукой и обществом, наукой и властью, то есть продемонстрировали особую роль внешнего фактора в процессе развития научного знания. Ими замечено, что в истории науки наличествуют не только периоды расширения коммуникативного поля, но и «периоды отрицательной коммуникативности», когда научное знание под влиянием внешних обстоятельств переводится в режим автаркии, когда изоляционистские тенденции становятся доминирующими [11, с.66–67]. В этом контексте критика А.В.Флоровским своих советских коллег вырисовывается в новом свете. Закрытость науки была одной из причин того, что работа над «Письмами и бумагами...», несмотря на усердные старания ученых, проходила так медленно. К сожалению, мало что из советов и рекомендаций пражского про-

фессора удалось воплотить в жизнь. И еще одно важное дополнение. С большим прискорбием нужно отметить, что проект по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого», о важности которого так много говорил А.В.Флоровский, не завершен до сих пор.

Список сокращений

SKP. – Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V.Florovskij. T-FLOR

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук. Ф.1609. Оп.2.
2. Андреев А.Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 393 с.
3. Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов: Научная книга, 2006. 376 с.
4. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Русско-австрийские культурные связи в XVIII–XXI вв. СПб.: СПбКО, 2010. 408 с.
5. Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с.
6. Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П.Мещерского с А.В.Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. Кн.1–2. С.84–99.
7. Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. М.: МИК, 2008. 336 с.
8. Жуков Е.М. Научная проблематика и принципы издания «Всемирной истории» (К выходу 1-го тома) // Вестник АН СССР. 1956. Т.26. №5. С.38–42.
9. Ковалев М.В. А.В.Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В.Ковалева и И.Р.Плеве. Саратов: СГТУ им. Ю.А.Гагарина, 2015. С.136–183.
10. Ковалев М.В., Лаптева Т.Н. «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В.Флоровского с советскими историками В.Т.Пашуто, А.А.Зиминим и Е.П.Подъяпольской // Исторический архив. 2014. №4. С.66–87.
11. Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Начало «холодной войны». Поворот к изоляционизму в науке // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.66–89.
12. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 232 с.
13. Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 321 с.
14. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига; Объединенная ред. МВД России, 2010. 408 с.
15. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
16. Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М.: Наука, 2011. 420 с.
17. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т.11. Вып.1. 608 с.; 1964. Т.11. Вып.2. 744 с.

18. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина, 1707–1709. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
19. Фейгина С.А. Аландский конгресс. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 548 с.
20. Флоровский А.В. Из истории торговой политики Петра Великого (отзвуки распоряжений 1714 г. в Средней Европе) // *Pražská universita Moskevské universitě: sborník k výročí 1755–1955 / Uspoř. J.Dolanský, R.N.Foustka*. Praha: SPN, 1955. S.74–93.
21. Флоровский А.В. От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага: Karlova Universita v Praze, Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica. Monographia, 1971. 140 с.
22. Флоровский А.В. Петр Великий и Эфиопия. Историческая справка // *Orbis Scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70 Geburtstag / Hrsg. D.Gerhardt, W.Weintraub, H.-J. zum Winkel*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1966. S.211–220.
23. Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага: Karlova Universita v Praze, Acta Universitatis Carolinae, Historica; sv. 2, 1955. 42 с.
24. Штеллер Ф. Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // *Россия XXI*. 2012. №4. С.82–109.
25. Эрикссон П. Шведские историки о Карле XII в Великой Северной войне // *Новая и новейшая история*. 2009. №4. С.8–27.
26. SKP. Krab.III. Korespondence. №51. Fejgina, Sof'ja Aronovna, Moskva.
27. SKP. Krab.IV. Korespondence. №62. Gerhardt, Dietrich, Hamburg.
28. SKP. Krab.VII. Korespondence. №192. Novosel'skij, Aleksej Andrejevič, Moskva.
29. SKP. Krab.VIII. Korespondence. №210. Pod"yapol'skaja, Jelena Petrovna.
30. Jelenew N. Peter der Große und Johann Kupetzky // *Записки Русского научно-исследовательского объединения при Русском свободном ун-те в Праге*. 1942. Т.16. №85–86. С.227–285.
31. *Litterae procerum Europae, ab imperatoribus, electoribus, principibus, statibusque Sacri Imperii Romano-Germanici, ad reges, principes, respubl. liberas, et vice versa...: ab anno 1552 usque ad annum 1712 / Hrsg. J.C.Lünig*. Lipsiae: Gleditsch, 1712. Pars.I. 1072 p.; Pars.II. 1056 p.; Pars.III. 1120 p.
32. Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Praha: Nakladatelství SETOUTBOOKS.CZ, s.r.o., 2009. I. Díl. 332 s.; 2012. II. Díl. 272 s.
33. Tengberg E. Från Poltava till Bender: en studie i Karl XII: s turkiska politik, 1709–1713. Lund: C.W.K. Gleerup, 1953. 308 s.